

**Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445 – 1552 гг.).
Очерки истории. Казань: Татарское книжное издательство,
2009. 207 с.**

Рецензируемая монография привлекает внимание хотя бы тем, что первая и последняя книга по данной тематике была написана В. В. Вельяминовым-Зерновым еще в 1863 – 1887 годах¹. С тех времен облик исторической науки претерпел существенные трансформации: изменилась ее методологическая составляющая, расширилась источниковая база, вместе с тем, созрели и новые вопросы, актуализированные современным обществом. В этом свете сложно переоценить научную значимость исследования Б. Р. Рахимзянова.

Автор книги, соблюдая традиции классического историописания, посвятил первую главу «текстам проблематики», среди которых выделил «первичные» и «вторичные тексты». В параграфе «Первичные тексты» предложена классификация источников, показаны их информативные возможности и оговорена проблема интерпретации нарративных текстов, связанная с «непрозрачностью» летописания для «понимания современного человека». Параграф «Вторичные тексты» рисует историографическую ситуацию с логически обоснованной периодизацией и классификацией научных трудов. Стоит отметить, что здесь рассматриваются и наиболее значительные англоязычные исследования.

Не совсем ясными остаются методологические принципы исследования Б. Р. Рахимзянова. Ученый заявил, что он писал, исходя из методологии неопозитивизма, однако не раскрыл особенностей применения идей данного философского течения в своих разысканиях (С. 9). Правда, в помещенном в конце книги «Словаре терминов» говорится, что неопозитивизм – это «историческая парадигма, которую субъективный автор понимает как попытку восстановления событий наиболее приближенно к исторической реальности, при понимании того, что такая "объективная" реконструкция в принципе невозможна» (С. 200), однако под подобной формулировкой могли бы подписаться и М. Блок с Л. Февром, которым едва ли бы понравилось, если бы их причислили к неопозитивистам.

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863-1887. Ч. 1-4.

Вторая глава книги – «Образование и устройство ханства» – написана на основе данных из договорных и духовных грамот, летописей, дипломатических памятников, записок иностранцев, родословных книг, а также опубликованных и неопубликованных актов экономической истории. Б.Р. Рахимзянов полагает, что образование Касимовского ханства стало следствием поражения русских войск от татар в 1445 г.: Василий II по мирному договору не только обязался выплатить крупную сумму денег, но и выделил сыновьям Улу-Мухаммеда землю-ханство. Эта гипотеза впервые была выдвинута в работах Г. Газиза и М. Г. Худякова², однако Б. Р. Рахимзянов, приведя новые аргументы, развил ее. Во-первых, в ряде договорных и духовных грамот говорится о выплатах в Касимов, что, по мнению историка, указывает на особое, отличное от уделов, положение ханства. Во-вторых, Иван III установил запрет для рязанского князя на контакты и заключение договоров с касимовским ханом, что свидетельствует о крайней осторожности и недоверии Москвы. Согласно автору, «вряд ли такое отношение могло быть к царевичу, которому Василий II, исходя из своей воли, пожаловал город на русской земле» (С. 58). В дальнейшем Москва не ликвидировала Касимовское ханство, так как «осознала все плюсы нахождения у себя на службе представителей золотоордынских династий как удобных пешек в своей гибкой политической игре» (С. 63).

Во втором параграфе второй главы Б. Р. Рахимзянов рассмотрел административно-политическое устройство, этносоциальный состав, хозяйственную жизнь и некоторые другие вопросы. Ввиду недостаточности сведений, описывая политическое устройство, он был вынужден провести аналогии с Казанским и Крымским ханствами (см. напр.: С. 65-69). При этом заслуживают внимания аргументы автора, справедливо посчитавшего, что «Касимовское ханство также как и Крымское, Казанское, Астраханское и Сибирское ханства, являлось одним из продуктов распада Золотой Орды, ее наследником в плане преемственности династий и государственных институтов», к тому же «источниковые данные... дают нам те же названия должностных светских и военных лиц, а также лиц духовных, что имелись и в Казанском ханстве» (С. 67).

Лапидарность источников, отражающих социально-экономическую жизнь второй половины XV – первой половины XVI вв., в ряде случаев заставила исследователя обратиться к документам XVII столетия и прибегнуть к экстраполяции. Б. Р. Рахимзянов оправдал подобные обобщения тем, что для хозяйственного укла-

² См.: Газиз Г. История татар. М., 1994. С. 101; Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 28.

да «вряд ли были характерны существенные изменения» (С. 88). Действительно, если жители ханства в XVII в. занимались обработкой металлов, кожи, шерсти и меха, пушным промыслом, бортничеством, рыболовством, то едва ли эти виды традиционной хозяйственной деятельности не существовали в XV – XVI вв. Другое дело, что предложенный подход не позволяет четко обозначить масштабы и динамику развития той или иной отрасли хозяйства.

Третья (последняя) глава посвящена политической истории «Мещерского юрта», показанной в контексте межгосударственных контактов восточноевропейских стран. Особенно тесно история Касимовского ханства связана с московско-казанскими отношениями. Реконструкция Б. Р. Рахимзянова создана с опорой на богатый историографический опыт, вместе с которым историк воспринял и трактовки некоторых известных источников, вписав их в свою стройную концепцию. Например, он принял на веру сообщение «Казанской истории» о факте убийства Махмудом своего отца Улу-Мухаммеда, объяснив этим «полярность позиций родных братьев – сыновей Улуг-Мухаммада с осени 1447 г.» в войне Василия II с Дмитрием Шемякой (С. 100). Согласно Б. Р. Рахимзянову, данный факт повлиял и на дальнейшие события: так, в 1467 г. личным мотивом Касима в походе на Казань было желание «получить реванш за коварное убийство Улуг-Мухаммада Махмудом и оттеснить таким образом его ближайших родственников от власти» (С. 108).

То обстоятельство, что известие об убийстве Улу-Мухаммеда не подтверждено ни одним другим источником, отметил еще Г. З. Кунцевич³. Подобный сценарий воцарения хорошо знаком и по другим произведениям древней и средневековой литературы. На протяжении всего повествования автор «Казанской истории» неоднократно повторяет мысль, что «мечем и на крови зачася Казань, такоже и скончася мечемь и кровию»⁴. Скорее всего, картину царубийства книжник заимствовал из известных ему сочинений, поскольку она хорошо вписалась в его концепцию кровавого зарождения и кровавой гибели «Казанского царства». А полярность позиций сыновей Улу-Мухаммеда в междоусобной войне на Руси и в ходе московско-казанской войны 1467-1469 гг. можно объяснить и другими причинами: Касим и Якуб были на стороне Василия II, поскольку получили от него удел и «выход», тогда как Махмуд, по утверждению самого Б. Р. Рахимзянова, с осени

³ Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905. С. 251.

⁴ Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. М., 2001. С. 203.

1447 г. поддерживал Дмитрия Шемяку – ввиду того, что Василий II упрочил свои силы и, выслав войска против Махмуда, вышел «из подчинения Казани» (С. 100).

Б. Р. Рахимзянов, вслед за М. Г. Худяковым, писал о расколе в кругах казанской аристократии в 1467 г., вследствие чего Касим был приглашен Абдул-Мунином (Авдул-Мамоном), возглавлявшим группировку недовольных существовавшим порядком. Все эти рассуждения построены на основе известия московского летописца: «А позван был царевич от цареи Казанских, от Авдул-Мамона и от прочих, на царство лостью. Он же надеяся на них, а лести их не ведаа»⁵. На первый взгляд, Касим представлен жертвой, а казанцы – коварными обманщиками. Современный человек, плохо знающий Священное Писание, едва ли способен понять логику средневекового автора. С. М. Соловьев и Хади Атласи буквально восприняли слова летописца. По их мнению, Касим был обманут⁶. М. Г. Худяков говорил о промосковской партии в Казани, возглавляемой Абдул-Мамоном: часть аристократии была недовольна политикой хана Ибрагима и пригласила на трон Касима. В условиях войны Ибрагиму якобы удалось расправиться с промосковской партией и выступить против великокняжеской армии⁷. В том же идейном русле размышляет и Б. Р. Рахимзянов (С. 106-108, 166). Однако данные источников не позволяют говорить о расколе в кругах правящей элиты ханства.

На наш взгляд, слова летописца не следует понимать буквально. В сознании средневековых знатоков Библии нравственная характеристика «лесть» имела более глубокое значение. В.Н. Рудаков считает, «что такие качества, как лъстивость, использование лести..., должны были порождать у читателя достаточно четкие ассоциации с примерами нечестивого поведения вообще, а также с качествами нечестивых народов в частности»⁸.

Говоря о летописном Авдул-Мамоне, следует отметить, что слово «мамон», скорее всего, не имеет никакого отношения к имени казанского вельможи, а является эпитетом, характеризующим личность Авдула. В Евангелиях от Матфея и от Луки термин «мамон» упоминается в значении «неправедное богатство»: нельзя одновременно «служить Богу и мамоне, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а

⁵ Полное собрание русских летописей. Т. 25. М., 1949. С. 279.

⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. III. С. 65; Атласи Г. М. Себер тарихы. Сөөн-бике. Казан ханлыгы (Тарихи эсэрлэр). Казан, 1992. Б. 232.

⁷ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 35-39.

⁸ Рудаков В. Н. Язык Библии в ранних рассказах русских летописей о монголо-татарском нашествии // Одиссей. Человек в истории. М., 2003. С. 51.

о другом не радеть»⁹. То есть, по мысли летописца, Авдул имел «неправедное богатство», занимался стяжательством и не служил Богу – был отступником. Таким образом, словосочетание «позван... лестью» и эпитет «мамон» образуют единое смысловое поле, семантика которого заключается в оправдании наступательных действий Московы. Симптоматично, что тенденциозность московского летописания отметил и Б.Р. Рахимзянов, точно уловив отличие от более ранних летописей Воскресенской летописи, согласно которой в 1467 г. Касим выступил по приказу Ивану III. То есть официальные летописцы середины XVI в., подгоняя все «под инициативу московских князей и царей» (С. 110), приписали замысел похода 1467 г. не Касиму, а Ивану III.

Обобщая причины неудач касимовских правителей на казанском престоле, Б.Р. Рахимзянов высказал мысль, что Шах-Али и Джан-Али были марионетками Московской Руси – страны другой веры, поэтому они «раздражали как народ, так и знать значительно сильнее, чем ставленники Крыма» (С. 151). Безусловно, такой вывод заслуживает внимания, но, вместе с тем, необходимо учесть и то, что Шах-Али и Джан-Али, в отличие от предыдущих московских ставленников и крымских претендентов, являлись представителями враждебной для казанцев большеордынской династии. К тому же оба хана, в момент их первого вступления на казанский престол, были молоды и малоопытны, что, вероятно, не способствовало упрочению их власти.

Согласно Б. Р. Рахимзянову, «в Казани в XVI веке у власти стояли или крымские султаны, или ставленники Москвы», а «сами казанские люди, не играя ведущей роли, находились в союзническом или зависимом положении от этих двух сильных соседей – Московии и Крыма». Однако уже в следующем абзаце ученый противоречит своему тезису о политической слабости местного населения, заявляя, что в 1545 г. «усиливаются оппозиционные настроения к крымскому ставленнику хану Сафа-Гирею» (С. 157), которого вскоре свергают. Выходит, казанцы обладали политической волей и существенно влияли на ход событий. Важнейшим подтверждением тому являются и события последних месяцев существования ханства, когда казанцы лишились поддержки Крыма и, отказавшись от воеводского правления, вступили в открытое противостояние с Москвой. Вообще бросается в глаза, что значительная часть содержания третьей главы посвящена московско-казанским отношениям, в которых так или иначе участвовали касимовские ханы – русские книжники конца XV-XVI вв. явно не слишком интересовались событиями в «Мещерском юрте».

⁹ Мф. 6: 24; Лк. 16: 9, 11, 13.

Впрочем, высказанные замечания носят частный характер и не касаются основных выводов Б. Р. Рахимзянова. Вполне аргументированным представляется синтезированный на основе противоречивых теорий предшественников тезис об эволюции статуса Касимовского ханства от «автономного ордынского улуса» до «марионеточного государства в руках московской внешней политики». Так как в XV–начале XVI в. государства-наследники Золотой Орды и Московская Русь были взаимосвязаны, «Касимовское ханство, будучи частью вотчины московского великого князя, даже в 1517 году могло одновременно восприниматься крымским ханом Мухаммед-Гиреем как свой юрт» (С. 169), а в 20 – 50-е гг. XVI в. играло важную роль в деле подчинения Казани. «Одним из средств достижения контроля над политикой ханства было выдвижение ставленников на казанский престол» (С. 167). Добавим от себя, что Москва неоднократно использовала политические притязания касимовских ханов как предлог для военных походов на Казань. А до завоевания Казани и Астрахани именно Касимовское ханство выполняло роль своеобразного «предначала» превращения России «в многонациональное имперское государство» (С. 170). С этим итоговым выводом Б. Р. Рахимзянова трудно не согласиться.

А. В. Аксанов, С. С. Пашин